

Батутта на основе «дел Пятигорского курортного музея» (стр. 209), «кабардинский» город в VI в. (стр. 212) и т. п.

Рецензируемый сборник показывает, что этнографические исследования уже заняли заметное место в работе историков Кабарды. Это настоятельно требует усиления активности этнографов, дальнейшей разработки старых и постановки новых исследовательских тем, в частности тем этнографии советского общества. Надо надеяться, что все это получит отражение в следующих выпусках «Сборника статей по истории Кабарды».

Я. Смирнова

Татар Халык Ижаты (Татарское народное творчество), Казань, 1954.

Сборник «Татарское народное творчество», второе издание которого недавно вышло в свет, представляет значительное явление в области изучения татарского фольклора. Рассчитанный в основном на массового читателя, сборник является одним из немногих обобщающих изданий и рекомендуется составителями как пособие для высших учебных заведений. Сочетание установки на массового читателя с установкой на учебное пособие, конечно, должно было отразиться и на характере самого сборника, и на вступительной статье к нему. Неизбежно должны были возникнуть серьезные трудности. С этими трудностями, надо сразу же сказать, составители в основном справились.

Профиль сборника определил самое расположение материала в нем. Сборник открывается разделом народного творчества советского периода; за ним следует раздел дореволюционного фольклора. Это расположение материала вполне обоснованно. Надо согласиться с мнением составителей сборника, которое сформулировано в предисловии к первому изданию: в сборнике, подготовленном в основном для массового читателя, народное творчество нашего времени закономерно выдвигается на первый план.

Материал, опубликованный в сборнике, в основном также вызывает одобрение. Сборник представляет татарский фольклор достаточно полно. Привычные разделы песен, сказок, баянов, пословиц и загадок в книге разнообразятся и такими видами народного творчества, как плясовые припевки, а также шутки о Ходже Насреддине, появившиеся в годы Великой Отечественной войны. Оставляет некоторое неудовлетворение только подбор песен. В сборнике, к сожалению, не опубликованы некоторые любимые татарские песни, например «Тэфтилэу», «Зэнгэр шэл», «Галия бану», «Тау астында салкын чишмэ», «Хэмдия», «Уракчы кыз». «Нигэ, нигэ сине шаян кузлэр». Без таких песен представление о песенном творчестве татарского народа неполно. То обстоятельство, что некоторые из этих песен имеют известных нам авторов, насколько, думается, не мешает их включению в сборник.

Как положительный факт особо следует отметить, что впервые за последнее время в обобщающий сборник включен материал по татарскому обрядовому фольклору (свадебные песни). Хорошо также и то, что в предисловии к сборнику даются краткие, но ясные сведения об обрядовой поэзии татар, по своему происхождению нередко связанной с древними народными верованиями. При этом правильно указывается, что влияние ислама содействовало сужению и заглушению этого вида народного творчества. Об этом свидетельствуют такие факты, как, например, запрет шариата оплакивать умерших, причитать над ними (это расценивалось как протест против воли божьей).

Татарские свадебные песни, включенные в сборник, являются отражением живых народных обычаев и поэтому имеют несомненную познавательную ценность.

Сборник не только удачно и полно представляет жанры татарского фольклора; в нем очевиден строгий и тщательный подбор текстов. Особенно отродно отметить хороший подбор материалов советского народного творчества: приводятся образцы советского фольклора, полноценные и в идейном и в художественном отношении. В первую очередь это относится к песням и баянам.

Тщательность подбора и требовательность должны, конечно, проявляться в каждой мелочи, потому что иногда пустячный, казалось бы, недочет может повредить красоте и значению целого произведения. В этом отношении в сборнике все же есть некоторые недостатки. Так, в песне «Кыска кара урман» («Дремучий лес»), приведенной в сборнике, имеется следующая строфа:

Кара урман аша
Кошлар сайраша,
Хайран тамаша.

(Вдоль всего дремучего леса
Поют птицы,
Удивление и величание...).

Так, кстати сказать, исполняет ее по радио и певица Зыфа Басырова. Песня эта — одна из стариннейших татарских песен, и в народе имеется другой ее вариант:

Кара урман аша
Кошлар сайраша,
Башлар адаша.

(Вдоль всего дремучего леса
Поют птицы,
Сбиваются с пути буйные головушки...).

Сравнение этих двух вариантов показывает, что тонкая символика народного творчества, говорящая о прошлой жизни, как о дремучем лесе, в котором было легко запутаться человеку, несомненно показывает преимущества традиционного народного варианта. Возможно, что в наше время песня стала петься в редакции, пропагандируемой по радио Зыфой Басировой. Но это в данном случае не может быть основанием для публикации менее полноценного варианта песни. Включая эту песню в дореволюционный цикл (где и есть ее подлинное место), следовало взять ее в форме, характерной для того времени.

Оговоримся, что подобные недочеты в подборе материалов сборника не могут нарушить общего благоприятного впечатления о нем.

Больше замечаний вызывает предисловие сборника и, в особенности, его часть, посвященная характеристике отдельных видов татарского народного творчества. Пояснения отдельных жанров сами по себе в основном правильны, но очевидно из расчета на малосведущего читателя, они излагаются в самой популярной — краткой и часто слишком общей форме. Размеры предисловия, видимо, не позволили автору дать материал в объеме, более удовлетворяющем запросы учащихся вузов. Вызывает возражение также и то, что в предисловии иногда смешиваются сведения о фольклоре татарского народа со сведениями о фольклоре других народов нашей страны. Так, в частности, в нем дается общее положение, которое по контексту можно воспринять как относящееся к татарскому фольклору: «Народная драма должна рассматриваться как самостоятельный жанр...» (стр. 26). Между тем говорить о существовании в татарском фольклоре особого жанра народной драмы мы не имеем основания.

Не учитывается в достаточной мере национальная специфика и при характеристике обрядового фольклора. Так, говоря об обрядовой поэзии, автор предисловия правильно упоминает о том, что татарские дети, так же как и русские, в пасху выносили на улицу крашенные яйца. Но он почему-то не указывает, что обычай этот у татар находил более четкое и характерное выражение во время одного из самых больших народных праздников Татарии — сабан-туя (весеннего праздника плуга). Нам представляется, что если возникла необходимость говорить об обычаях, то лучше, конечно, выбирать примеры поярче.

Вызывают возражения также некоторые теоретические положения, выдвигаемые в статье. Так, например, сомнительно следующее положение автора: «невозможно, чтобы не появились сказки в период войны, но на них не было обращено, очевидно, достаточно внимания, и потому они не собраны» (стр. 55). Здесь чувствуется определенная теоретическая предвзятость. В русской фольклорной науке уже отмечалось, что в наше время народные сказки, если и создаются, то как стилизация и результат индивидуального творчества любителей архаических форм поэзии.

Вызывают некоторые замечания и пояснения к жанру песен. В них хорошо разбирается построение самой строфы в татарских песнях, но общая характеристика песен получилась неполной. Так, в сборнике песни делятся на сюжетные и «безсюжетные». Это деление формально, может быть, и имеет некоторое основание, но оно абстрактно. У татар само понятие песни соединяется скорее с определенной мелодией, чем с каким-либо сложившимся текстом (с той оговоркой, что «сюжетные» тексты чаще поются на «протяжные» мелодии, а отдельные куплеты на «короткие»). Самим народом песни согласно их напевам совершенно четко делятся на «протяжные» и «короткие». В предисловии об этом не говорится, и возникающий в результате отрыв текста от мелодии мешает полно и точно охарактеризовать особенности татарских песен с их художественной стороны. Нам кажется, что в предисловии следовало дать о песнях такой же полный и обстоятельный очерк, какой мы находим о баитах: относительно последних дается характеристика их поэтической формы (отклик на событие, песенный сказ), указываются их современные разновидности и анализируются причины сохранения этого жанра в советское время.

В предисловии к сборнику, кроме сведений об отдельных жанрах, имеется небольшой очерк истории изучения татарского народного творчества. Несмотря на относительную краткость этого очерка, в нем отмечают почти все ученые и литераторы, когда-либо внесшие вклад в дело собирания, издания или изучения татарского фольклора. Показано значение трудов русских ученых (И. И. Лепехина, М. Чулкова, К. Фукса, М. Ивашова, Н. Берга, Н. Ф. Катанова и др.), усилиями которых впервые начато было изучение татарского народного творчества и которые немало сделали в этой области. Это тем более важно, что прогрессивную роль русской науки в этом вопросе всячески старались умалить татарские националисты, панисламисты и пантюркисты, стремившиеся противодействовать дружбе и духовному общению русского и татарского народов.

Особо отмечается значение народного поэта Габдуллы Тукая в истории собирания, изучения и популяризации татарского фольклора (это выразилось, в частности, в его поэтических обработках произведений народного творчества). Однако вызывает сомнение то обстоятельство, что автор предисловия, правильно относя окончательное формирование татарской фольклористики как науки к послереволюционному периоду, все же неполно характеризует предшествующий этап, отодвигает это формирование к самому последнему времени. Из поля зрения выпал такой признанный татарский ученый, как Худжа Бадыгов, который и до революции был одним из немногих татарских ученых, специально занимавшихся фольклором, и который вел работу в области собирания

и издания фольклорных материалов после Октября¹. Нам кажется, что упоминание работы Х. Бадыгова с критической оценкой ее сделало бы более точным и верным историографический раздел статьи.

Однако, как уже говорилось, при всех имеющихся в этом издании недостатках, оно несомненно является шагом вперед на пути обобщения и систематизации татарского фольклора. Сборник явится хорошей базой для дальнейшей работы. Мы уверены, что он встретит заслуженное одобрение у читателей.

Ким Давлетов

Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, вып. 2, Якутск, 1955.

Рецензируемый сборник содержит статьи по истории, этнографии, антропологии, языку и литературе Якутской АССР, представляющие значительный интерес для этнографов и историков.

В статье «К вопросу о переходе к земледелию тунгусов (эвенков) Якутского округа» И. С. Гурвич опубликовал хранящийся в Центральном государственном архиве Якутской АССР документ, содержащий новые сведения об истории перехода части тунгусов Якутского округа к оседлости. Комментируя публикуемый документ, автор справедливо подчеркивает роль русского крестьянства, способствовавшего внедрению земледелия среди охотников и скотоводов, какими являлись якуты и тунгусы в XVII—XVIII вв. Одно из положений автора представляется нам требующим уточнения.

И. С. Гурвича можно понять таким образом, что усть-майские тунгусы перешли к земледелию, минуя полукочевое скотоводство. Но территория майских тунгусов находится очень близко к бассейну Вилюя. А вилюйские тунгусы (угуляты, калтакули и др.) перешли к земледелию через полукочевое скотоводство. Повидимому, такая последовательность была вызвана тем, что бывшему кочевнику тунгусу легче было вначале принять полукочевое скотоводство, а затем перейти к оседлому земледелию. Это наводит на мысль — не прошли ли и майские тунгусы аналогичный скотоводческий этап, прежде чем перейти к земледелию?

Опубликованный И. С. Гурвичем документ показывает, что этнические процессы в Якутии нужно рассматривать в тесной связи с историей развития промыслового хозяйства, скотоводства и земледелия. Например, пока тунгусы занимались охотой и вели кочевую жизнь, их экономические взаимоотношения с соседями-якутами были гораздо слабее, чем после оседания. Поэтому переход тунгусов к земледелию не только поднимал их на более высокую ступень хозяйственной деятельности, но и способствовал еще большему сближению с якутами.

Г. В. Наумов в статье «К истории хозяйственного освоения бассейна реки Вилюй», пользуясь конкретным полевым материалом, нарисовал живую картину освоения края. Особенно ценны сведения о путях продвижения древних переселенцев, типах их хозяйства, борьбе за преобразование облика девственной тайги. Но, описывая примитивные способы борьбы древних переселенцев за освоение края, автору следовало бы отметить восходящие к ним пережиточные явления у современных вилюйчан. Например, от древней огневой системы сохранилось бытующее по настоящее время примиренческое отношение некоторой части вилюйчан к лесным пожарам. Говоря о древней мелиорации, следовало бы подвергнуть критике популярную еще в некоторых районах Вилюя идею спуска озер. Вилюй — край довольно засушливый. Он может быть плодородным лишь при умелом использовании наличных ресурсов воды. Следовательно, на Вилюе нужно отстаивать сохранение имеющихся водоемов для обводнения соседних лугов.

Вызывают возражение и некоторые положения автора, касающиеся истории освоения якутами бассейна Вилюя. Автор совершенно прав, говоря об освоении в XVII—XVIII вв. верхнего и среднего течения Вилюя переселенцами из центральной Якутии, но история освоения низовьев Вилюя им освещена не совсем правильно. По мнению Г. В. Наумова, до прихода русских якутами было освоено лишь одно устье Вилюя. Это не соответствует действительности, так как атаман Иван Галкин еще в 1638 г. собирал ясак с «Ковийского озера» (современное озеро Кобяй) — с «князца» Очигия и тагусца Мениктюбека и с «их улусных людей», всего 9 соболиных шуб и 2 лисицы красные (ЦГАДА, ф. 214, кн. 127, лл. 58—59). Обнаружение Ив. Галкиным якутов на оз. Кобяй свидетельствует о том, что якуты ко времени прихода русских жили не только близ устья Вилюя, но и гораздо глубже и дальше вверх по этой реке.

Кроме того, охотничье-рыболовческую культуру населения низовьев Вилюя

¹ В числе изданных им сборников можно назвать: «Сборник народной литературы», состоящий из четырех частей и включающий пословицы, загадки и частушки, байты, напевы и, наконец, песни («Халыҕ эдэбиаты маҕмугэсэ», 1912, изд. «Гасыр», переиздан в 1919 г.); сборник 1926 г. («Халыҕ эдэбиаты, маҕаллар, табыш-мақлар». Казань), включающий 1200 пословиц и 335 загадок; цитируемый в рецензируемом издании сборник 1922 г. Мы не говорим уже о статьях и архиве Х. Бадыгова, сданных в фонд Казанского филиала АН СССР.